СВЯТОСЛАВ ЭНДЕРИЙ

ДЕТИ РАВНОВЕСИЯ

об АЛИСЕ
о Саш-Баше
и Др.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Алиса, Саш-Баш и др.

- Святослав Задерий
  -
  -

Святослав Задерий
Дети равновесия

Алиса, Саш-Баш и др.

Я и подобные мне убеждаем не метафорами, не стихами, не доводами.

Мы убеждаем тем, что существуем.

УОЛТ УИТМЕН

Он достал нож. И первая же береза взвыла и застонала под его ножом. Первая капля упала на лезвие. Как сладок березовый сок. Его все больше и больше.

Он стал слизывать сок языком. Еще один удар. Еще.

Весна набухала. Чувствовала себя почками, деревьями, небом, звездами.

Он услышал шорох за спиной. Обернувшись, он увидел, — девушка нагая стоит, прислонившись к дереву. Прижимаясь голым телом к березе, она смотрела на него, потом начала смеяться и хохотать. "Эй!" — крикнул он. Она побежала. Он — следом за ней. "Ой!". Она от дерева к дереву, он — от дерева к дереву. "Ой!". Он за ней — она отнего, он за ней — она от него. От дерева к дереву, между деревьев, вокруг деревьев, против деревьев.

Она побежала к реке, прыгнула в холодную воду и поплыла. Он следом за ней. Она окунала свои белые руки в черную воду и плыла так быстро, как будто всю жизнь прожила в этой реке, вообще ни когда из нее не выходила. Он быстрей — и она быстрей.

Она выплыла и начала забираться на холм, цепляясь руками за холодную молодую траву.

Следом за ней он выскочил наверх. Там стоял столб. Вокруг горели костры, сидели какие-то люди. К столбу было привязано два человека.

Он встряхнулся, осмотрелся. К нему подошли двое здоровых мужчин, взяли его под руки, прислонили К тем двоим и обвязали их веревками. Все пели и хохотали. Потом кто-то принес тонкие серебряные цепочки. На этих цепочках была Злата Баба. Каждому изтроих надели на шею по цепочке.

…Он проснулся в коммунальной квартире. Прокашлялся, вышел на кухню. Сосед пытался похмелиться. "Хочешь немножко?". Вдвоем они выпили. Сосед спросил:

— Все хорошо?

— Да, все хорошо.

Поезд подошел вплотную к Московскому вокзалу и остановился. Он вышел из поезда с зачехленной гитарой. Никто его не встретил. Дождь стучал по голове, по крышам, по лужам, по гитаре, — в общем, высекал музыку из всего, из чего только можно.

Он пошел.

Он вышел из самолета. Его встретили друзья с коньяком. Налили ему рюмочку. Спросили: "Все в порядке?". Сказали: давай быстрей, нас все ждут. Самолет опоздал на пятнадцать минут. Уже все готово. Посадили его в такси и уехали.

Из ненаписанного сценария к не отснятому фильму.

Ситуация получилась такая… Опять же, возможно, все происходит на уровне некоторых стадий МИСТИКИ…но тем не менее. Мне позвонил Костя. Я говорю: «Привет». — «Привет». Вот, говорит, так и сяк, Санька выбросился из окна. Я говорю: "Не может быть". Что за ерунда такая… Потому что накануне он был у меня. Несмотря на то, что состояние у него было достаточно нервное, — но он же в своем собственном стиле работал. То есть, не работал, конечно, — жил. Но ничего особенного это не предвещало.

Я пошел в комнату, сказал об этом моей первой жене. Она его тоже знала — Санька, когда был в последний раз, пел ей песни, у них ко всему прочему была своя разборка, он окрестил ее, дал ей тихонечко гитарой по голове и сказал: зря ты так напрягаешься. И мы сней сели вдвоем и заплакали. Честно скажу и откровенно — прямо так. Я выдержанный достаточно человек и не склонен к слезливости, но…

Похороны. Я сказал, что на похороны не пойду. Потому что я гдето за год до этого похоронил своего отца. И у меня было такое несколько шоковое состояние — некоторое время я не мог вспомнить отца живым. Я сказал: пусть Санька остается для меня живым, я буду считать, что он просто куда-то ушел, потому что я до сих пор его чувствую, я врубаюсь, что он здесь. "Пусть мертвые сами хоронят своих мертвецов". По этому принципу. Кому это надо — тому это надо. Мне это не надо было. Мне позвонил приятель и говорит: приезжай в гости, я хочу тебя познакомить с одной девушкой. В принципе, я готов был поехать куда угодно. И я поехал. Сел в такси — приятель назвал мне адрес. Я этой улицы

толком не знал, никогда там не был. Но чем дальше мы едем, — тем больше я врубаюсь, что мы едем к башлачевскому дому, туда, откуда он, собственно, и выбросился. Район наворачивается на район — район такой, достаточно крайний — и вдруг перед нами из-за поворота выворачивает машина, грузовая, с крытым брезентом верхом, а сзади открытая. И там стоит голубой гроб. Я… и так у меня нервы, что называется на пределе… и в течение, наверное, минут пяти я ехал следом за этой машиной, а она медленно, планомерно продвигалась туда, куда и мы — к башлачевскому дому.

В какой-то момент машина свернула в одну сторону, я — в другую. Я приехал в полном шоке. В этот же день познакомился с девушкой, которая была по знаку совершенно как Саша — он был Крыса — Близнец. Где-то года через два, наверное, или больше. она тоже погибла, ее убили наркоманы. Причем она была совершенно респектабельная, богатая девушка, хотя имела возможность употреблять наркотики, торговать ими, но к искусству не имела никакого отношения. Некая фатальность, наверное, существует даже в этом. Я до сих пор помню это ощущение — те пять минут и та грузовая машина впереди. Возможно, отчего-то куда-то просто не убежать.

С уходом Саш-Баша нарушилось многое в Питере. Несмотря на то, что он был веселый простой парень, был он — не скажу "душой компании", не скажу — «сердцем»… а тут какая-то более высокая стадия, что ли. Ангелом. С ним многие хотели работать. И Курехин тоже. Какое-то время Саша предполагал, что вещи, которые он делает, возможны в оркестровой обработке. Но так как он хотел максимального эффекта от этого — он был мастером слова, журналистом, мыслил достаточно широко — то у него была собственная энергетика, ну, и бескомпромиссность тоже собственная. Он был близнец, и нужно было работать с ним либо синхронно, либо не перебивать его — такие две степени компромисса. А все остальное было просто невозможно, Поэтому ни там, ни сям у него не получилось, и он предпочел работать в одиночку. У нас с ним удавалось эти ситуации соблюдать, мы по году одинаковы были, ну, может, по чему-то еще другому. Плюс — мы понимали друг друга в том, что мы делаем. И когда мы вместе ездили, случалось на концертах, что он подыгрывал мне, я подыгрывал ему, хотя, так сказать, особенными техническими возможнрстями не обладали ни я, ни он.

"Время колокольчиков" — единственный студийно записанный альбом — ему не нравился самому. Он его записывал один, хотя я рвался в студию помочь ему, — но он сказал: нет, я сам, все-таки первый альбом… Прослушав его, он сам, что

называется, обломался. То ли перенервничал он во время записи, то ли что, но «вживую» эти вещи у него звучали гораздо мощнее, динамичнее, что ли. А все остальные записи — лишь обычные домашние концерты, не более…

В том «треугольнике» Кинчев — Башлачев — Задерий мы давали друг другу максимально всего того, что можно было дать. Даже познакомились совершенно странным образом. Я узнал о нем от Рыженко — это скрипач "Последнего шанса", мой очень хороший друг. Я приехал к нему в Москву, и он мне сказал: вот, тут объявился один парень из Череповца, его привез Артем Троицкий, оставил запись. Но так как она была очень низкого качества, там слышалась только одна эмоциональность. А так как у него «загруженность» текста информацией была очень сильная, я поначалу просто ничего не понял, только почувствовал энергию — силу его внутреннюю. И вот однажды после одного из наших концертов Костя сказал: сегодня сейшен у Башлачева. Я говорю, что я о нем слышал. Поехали, говорит, к нему, туда, на "разведчика Кузнецова". И мы поехали. Поднялись на восьмой этаж. Заходим в квартиру, открывается дверь, — а напротив двери кухня, ну, планировка такая. И я вижу — сидит молодой человек, светленький такой, и напряженно над магнитофоном — обычным, плохоньким, совдеповским — слушает "Доктор Буги", нашу песню. Причем он не был предупреЖден о нашем приезде. И когда он нас увидел, — мы же для него просто материализовались, — то без разговоров бросился нас обнимать. Мы слились моментально. Не было никакого «здравствуйте», нас никто не представлял, он просто встал и обнял нас.

У него был домашний сейшен, там были какие-то матросы, солдаты, сидели, важно курили папиросы. Перед Саш-Башом стояли стакан вина и свеча. И он пел. Я Косте сказал: слушай, у меня просто «перегруз» идет оттого, что он говорит, и он либо сумасшедший, либо гений, одно из двух. Когда слушаешь его в первый раз — это очень сложно. У него слово переходило в дело, в то же время становилось образом… ОН пел практически все то, что потом вошло в тот альбом, но у него это было активнее, эмоциональнее, сильнее. Потому что вино и свеча… это раздвигает границы. Это было мясо. Просто мясо с кровью, со свечами и вином. Это был фонтан — фонтан жизни. И нас… просто забрызгало. Косте — одна песня сразу же пришлась, мне — другая, но когда мы стали разговаривать — поняли, что идем в принципе в одну сторону и, собственно говоря, нашли своего третьего брата. Никаких не было вопросов, даже напрягов не было. Обычно когда встречаются люди, которые пробивают какие-то параллельные концепции, все-таки возникают трения. Но он

нас как принял — так мы сразу, и остались вместе. С тех пор у нас ситуации стали только увеличиваться в размерах. Ну, как скарабей — катит свой шар и накатывает его, чем дальше, — тем больше.

Это была забавная история. Короче, Саша и Настя были на Новом году в Москве, я сейчас не скажу — где именно, но на каком-то достаточно приличном фуршете. Так как Настя училась на театрального критика, была завязана с театром, она достала маски чертей настоящие театральные маски, достаточно эффектные. Потом приехал Костя, были Света, Настя, и мы пошли на Арбат. Надели маски, — и пошли по нему. И тут я понял, что на самом деле — чертям в Москве можно все. Расцветающие улыбки прохожих… хотя, согласитесь, ситуация странная. Мы прошли метров сто, и тут к нам подбегает парень в кожаной куртке, бритый наголо, с гоголевским носом — типичный панк московский. Он — к Косте: "Ты че, Кинчев, что ли?". А мы с Башлачевым шли в масках, Костя — без. ОН говорит: «Да». "Во, — говорит, — класс". Вытащил из кармана цепь такую, обвязал вокруг шеи, дал Косте другой конец в руки — пошли. говорит, вместе. И девушки с нами — очень красивые, с распущенными длинными волосами. Такой экипаж — очень эффектный.

Прошли пол-Арбата — решили взять вина. Мы — два черта, да Костя с этим парнем на поводке. Звали его Цикладол — кличка такая. Дошли до винного магазина, Цикладол говорит: щас возьму вина. Там, мол, сухое есть. Зашел — и выходит: очередь, говорит, страшная. А было дело после праздников, страждущих много. Дайте, говорит, масочку одну. Пошел в магазин в маске. Люди страждущие, увидев своего приятеля, душой растаяли — ну, черт пришел вино покупать, как ему не уступить очередь? И в кассе пробил без очереди, и у прилавка без очереди получил, хотя магазин был — битком.

Вышли оттуда, зашли в ближайшую парадную, взяли по бутылочке, стали пить. Вдруг открывается квартира, выходит женщина и начала на нас страшно ругаться: Вот ходют тут всякие! Там, туда-сюда, алкоголики проклятые, ну и так далее. Ну, мы обернулись, и Башлачев ей: "Тетенька, вы нас не узнаете? Мы ваши аборты!" Без слов захлопнула дверь и больше не появлялась.

Дальше мы выяснили, что, оказывается, чертям можно и в метро бесплатно ездить, и так далее. Лишний раз убедился, — что такое Москва. Которая не верит слезам, — зато чертям верит.

Пешком, с легким сердцем, выхожу на большую дорогу,

я здоров и свободен, весь мир предо мною,
Эта длинная бурая тропа ведет меня туда, куда я хочу.
Отныне я не требую счастья, я сам свое счастье,
Отныне я больше не хнычу, ничего не оставляю на завтра
и ни в чем не знаю нужды.
Болезни, попреки, придирки и книги оставлены дома,
Сильный и радостный, я шагаю по большой дороге вперед.
Земля, — разве этого мало?
Мне не нужно, чтобы звезды спустились хоть чуточку ниже,
я знаю, им и там хорошо, где сейчас,
я знаю, их довольно для тех, кто и сам из звездных миров…

УОЛТ УИТМЕН

С поездкой в Азию история получилась тоже достаточно забавная. Рашид Нугуманов — режиссер, который ставил фильм «Игла» с Цоем — сказал мне: Слава, если окажетесь когда-нибудь в АлмаАте — заезжайте. Казахстан место такое, где душевно-интеллектуальный рок еще не вложился в собственные формы. Можно будет сделать концерты". Я говорю Саш-Башу, что хочу поехать в Алма-Ату. Он мне: и я с тобой. Я говорю: ну, поехали. У нас не было денег сначала. Артем Троицкий устроил нам такой интеллектуально-элитарно-снобистский концерт. Не помню точно, как назывался тот ДК. МЫ с Сашкой взяли с собой кучу прибамбасов, включая настоящий пистолет. Мы подыгрывали друг другу, я параллельно вскрывал сумку и доставал оттуда всяческие погремушки. Так что непонятно было, кто же мы, в конце концов, такие — клоуны, террористы или политические деятели… Ну, концерт нам дал деньги, пришли мы в аэропорт, загрузились в самолет. Самолет начал набирать скорость — как поется в песне, "замелькали огни Москвы по обе стороны"… Я и говорю: Санечка, слушай, братик мой дорогой. Помнится, у тебя песенка такая была: "Хотел в Алма-Ату уехал в Воркуту". Он говорит: "Была!". А мы верили в то, что говорили — я до сих пор верю… часто получается так, что выходит по сказанному. Я ему: "Так тебе не кажется, что мы летим в другую сторону?" Он такой… вжался в кресло и посмотрел на меня таким взглядом, словно бы, знаешь… все, ку-ку, парень, поехали. Ладно, взлетели, летим, значит. Вроде бы как-то расслабились, мы сним начали

разговаривать. Он мне рассказал о том, чем занимался раньше. Рассказал, что когда он учился в университете, у негобыла комната, где дворники держали швабры и метлы. Стояли у него кровать и тумбочка, и половину своих песен он написал там. Он говорил: пригласишь друзей, поставишь на стол бутылку вина, нальешь себе, возьмешь гитару, маленькое окошко, луна… что еще остается делать, как не писать песни?

Короче, в середине полета, где-то часа через два неожиданно заглох мотор. Он посмотрел на меня таким просто убивающим взглядом: то есть, я виноват, что я его попрекнул, когда мы взлетали. То есть, я еще, оказывается, и виноват! Действительно, действительно самолет испортился, он некоторое время так мягко парил в воздухе, это продолжалось минуты три, потом двигатели, похрипывая, заработали. Нам объявили, что перед Алма-Атой у нас будет промежуточная посадка. Сели мы в маленьком городке — самолет у нас там чинили. Нас вывели в аэропорт, мы покурили, туда-сюда, короче говоря, потом загрузили снова, и мы долетели уже, Слава Богу, без приключений. Ну, а мы ехали с определенной целью: Азия — это место, где растет хорошая трава…

Прилетели в пять часов утра. Звоню Рашиду. Мы их подняли с постели — поставили перед фактом, даже не предупредив о своем приезде. Ну, пригласил — так пригласил, правильно? Он сказал номер автобуса, мы с Башлачевым сели и приехали к нему. Нас положили поспать. Я открываю глаза — вижу: совершенно очаровательная девушка проходит мимо, что-то взяла, ушла… Оказалось позже — жена брата Рашида, Мурата, они оба работают на студии «Казахфильм». Это была такая сразу же восточная экзотика: открываешь глаза в полудреме и видишь перед собой восточную красавицу. Проснулись мы попозже, и я спрашиваю у Рашида: "Ну, так, где она?". Он: "Кто она?". Я: "Как — кто? Конечно, конопля…" Он мне: да мы не курим, так, больше ВИНО…ну ладно, там что-нибудь придумаем. Говорит: ложитесь спать, отдыхайте. Мы опять легли — дорога всетаки тяжелая. Просыпаемся оттого, что приехали Рашид с Муриком на джипе, привезли целый фургон травы — съездили за это время на Аксай. Она свежая такая, и мы говорим: так ее как?… Нет, говорят, должна просохнуть. Разложили ее под газетками на балкончике. Мы с Саш-Башом, как два гусака, ходили вокруг нее в течение часов полутора: ну что, высохла или не высохла? Высохла, — попробовали: ну так себе… не очень. Не прицепило нас сильно. Зато Рашид, Мурик, его очаровательная жена Аля порадовали нас совершенно невероятным восточным гостеприимством — бешбармаки там, всякая национальная кухня. Для нас все это

было ново. Показывали нам, как нужно есть руками, по национальной традиции.

Осмотрели всякие местные достопримечательности — памятник панфиловцам, туда-сюда… Вечером в местной церкви сыграли концерт. То есть это уже была не церковь — внутри нее находился местный горком партии. Столы белые, как в офисе. Собралась местная интеллигенция. Отыграли мы, я считаю, довольно неплохой концерт, но… все равно ситуация не та… Как раз было время, когда, так сказать, духовное отрывалось от политического.

Некоторое время побыли в Алма-Ате, познакомились с аборигенами, там замечательный человек — Моршанский, президент рокклуба.

Побывали у Рашида на свадьбе. У них оказался совершенно классный яблоневый сад. Яблоки — сантиметров двадцать, наверное: "алма-атинский апорт" называется. Весь сад засыпан яблоками. Весь, абсолютно. В этот год как раз запрещалось колхозникам и всяким частникам продавать яблоки на рынке, и девать их было некуда. Вся Алма-Ата была засыпана яблоками. Мы два дня походили по этим яблокам, потом я говорю: Мурик, Рашид, это невозможно, я не могу ходить по яблокам. Давайте мы вам поможем, — соберем их, что ли… Они нам: да, пожалуиста, чего там, подбирайте, сколько хотите, вон там, на чердаке есть фанера, сколачивайте ящики, отправляйте родственникам, все равно власти запрещают продавать… Мы так обрадовались, — представляете, такие яблоки! Мы с Башлачевым взялись, собрали по всему саду яблоки в кучки. Рашид в это время женился, свадьба была. Мы просыпаемся наутро — и ведь опять весь сад засыпан, наших кучек просто не видно. Яблони дают и дают, — а собирать некому. Рашид говорит: да ладно, мама приедет — соберет. Какая там мама, — тут грузовик не увезет, причем у каждого в городе такое… Взялись мы с Сашкой сколачивать ящики. Оказалось, сколачивать ящики не так-то просто. Мы с Башлачевым промучились четыре часа, пытаясь сколотить один ящик, чтобы отправить яблоки родственникам. Замеряли линейкой, пробовали делать прокладки… Плюнули, полезли на крышу — стали наблюдать, как пролетают самолеты.

Отгуляли у Рашида свадьбу. Свадьба была замечательная. Ну, какая в яблоневом саду может быть свадьба? Рассказывать об этом — все равно, что рассказывать сказку. Там шашлычки, пиво… Башлачев в какой-то момент разделся догола, завернулся в какую-то овчину, сорвал полуметровую гроздь винограда — у меня даже фотография есть такая, — и прицепил эту гроздь себе на пояс. Ходил между дамами, разряженными по праздничному,

по провинциальному, в голубые и розовые платья, и предлагал каждой взять по ягодке. Они отщипывали, хихикая… В общем, оттянулись мы достаточно славно.

Поняли, что рока там нет никакого. Может быть, слишком щедра земля, чтобы на ней мог произрастать чертополох.

Решили поехать путешествовать. Предварительно зашли на окраину Алма-Аты. Спрашиваем: как добраться на Иссык-Куль? Намговорят: если на самолете, то это где-то около часа лету, — а если напрямик, через горы, то где-то километров семьдесят, но там всякие ледники, торосы… Саш-Баш говорит: семьдесят километров? Пошли!

И мы решили забраться на гору, взяли с собой еще собаку, таксу нугмановскую. Забрались на гору — маленький такой холмик. Он издали только казался маленьким… Мы исцарапались до такой степени, что Саш-Баш говорит: надо лететь на самолете. Этот холмик тем горам и в дети не годился. да, надо лететь, соглашаюсь…

Взяли мы билет на «кукурузник» — прилетаем в Чолпон-Ату, Город там так назывался. Летим и видим: перед нами сидящий человек разворачивает газету, а в ней такой рисунок: рука человеческая, в руке шарик, и надпись: "Операция «анаша». И — сводки милиции. Такой ненавязчивый факт… Приземляемся, а напротив аэропорта — горком партии, и перед ним памятник Ленину. Огромный двухметровый постамент, и на нем фигура в метр ростом, окрашенная бронзовой краской. Мы поняли, что мы попали куда-то не туда… Никого знакомых там нет. Пошли по проспекту — идем, значит, и вдруг я вижу, — толпа разбегается в разные стороны, а навстречу нам движется человек вчерном, на груди у него сияет орден, и с боксером на поводке. подходим ближе — и видим, что это же мой менеджер Антоша Рябкин. "Здравствуй, Антоша!" — "Вы-то как здесь?" Встретились на ИссыкКуле…

Он говорит: слушай, орден-то мне надо бы снять. Мне его Клипс подарил перед отъездом. В то время были такие ордена, выпускались из пластмассы — как значки: орден Александра Невского, и так далее… Они, говорит, все думают, что я прибыл из Афганистана. Здесь никто никогда не видел такую собаку — разбегаются в разные стороны, хожу как пугало…

Заселились мы в этот городок, пожили, погуляли, — решили травы потереть. Говорю: Санька, стремно же все-таки, приехать сюда и травы не взять. Антон сказал: мы поедем в другую деревню. Он с Аленой был, с женой. Оставили нам свою собаку. Оказалось, что у боксера морда один в один похожа на изображение киргизского дьявола. И там никогда никто не видел

такой собаки. Мы ходили с этим Рэпом как короли — нас все боялись. Рэп — самая безобидная собака, которую я когда-либо знал, он никогда в жизни никого не укусил. Бар вечерний там есть, они, местные аборигены, стоят там, курят план, сами с бритыми головами… но, увидев нас, начинают бросаться, кто, куда, — будто мы чуму несем. Автомат Калашникова по сравнению с э той собакой — ничто. Лучшей защиты придумать было невозможно.

Приезжали к нам туда Рашид с Муриком, они как раз снимали там какой-то фильм, про подростков. Мы с Саш-Башом погуляли по Аксаю, он говорит: надо это место отметить каким-то способом. Я говорю: ну, каким? Там пролетали самолеты периодически, и мы с ним на берегу Аксая, буквами, наверное, размером в десять на десять метров написали: "Вся власть поэтам". Для того чтобы летчикам было видно сверху. Потом этот лозунг появился в ДЦТ. Наверное, многие видели даже майки с такой надписью. Это как раз было придумано в тот самый момент. Мы писали ногами на прибрежном песке — лозунг еще и материализован был, очень здорово.

Приехала Алена, жена Антона. Говорит: ребята, у нас произошла страшная трагедия. В той деревне, куда они с Антоном уехали, оставив нам собаку, человек попал под сенокосилку. Осталась она у нас до вечера, мы попили чаю, вдруг начался страшный дождь, гроза, — но Алена, как героическая девушка, говорит: нет, я все равно поеду, нас ждут там. Почему-то купила два десятка яиц и двадцать пирожных. Взяла собаку и уехала. Утром мы с Санькой тоже собрали вещи, расплатились с хозяйкой. Вышли на трассу, голосуем, никто не останавливается. Тут у нас под ногами оказывается такая бумажка с надписью «Тюп». Я говорю: что за Тюп такой? Саш-Баш говорит: есть тут такое промежуточное селение, Алена же нас как раз как бы там и ждет. Тормозим машину этой бумажкой с надписью" Тюп" — и вдруг возле нас останавливается огромный БелАЗ, открывается дверь, из него выглядывает Алена. Говорит: "Вы куда?" Мы так несколько оторопели и говорим: мы, собственно, к вам… Она вответ: да? Очень хорошо, мы будем вас ждать в двенадцать часов на базарной площади. И — она захлопывает дверь, машина уезжает, мы остаемся одни. Подобрал нас один грузовик, мы долго тряслись по каким-то дорогам, но в конечном итоге доехали до этого самого Тюпа. Тюп оказался такой деревней — совершенно лютой… И центральным местом этой деревни была как раз базарная площадь. Мыприехали часов в двенадцать ночи. Причем мы выглядели так: я был одет в черную майку, такой крашеный, с небольшой косичкой, СашБаш в русской рубахе с

крестом, волосатенький. У меня был голубой рюкзак, у него — красный. То есть — выглядели мы, как фонари на перекрестке. Просто светимся. А весь остальной народ — образца 72-го года: клеши, штаны с пряжками.

Вечер поздний, уже никто, соответственно, не торгует. Мы сели на прилавок — сидим, ждем. Антоша все-таки обещал, он директор мой, я этому человеку доверяю, не один год проработали. Ждемпождем — вдруг напротив нас останавливается ментовский мотоцикл. С него слезли три мента, взяли сигареты, закурили. Стоят, разговаривают. Еще четверо подошло. А вокруг никого нет — совершенно безлюдное место, разве что вылые прохожие стороной проходят. И тут — белая «Волга» подъехала, из нее вышел ментовский полковник. То ли у них там стрелка была какая, то ли что — но набралось их там совершенно немеряно. И мы, два идиота такие, сидим, светимся. Они на нас Поглядывают, покуривают, и о чем-то там разговаривают. Я говорю: Санька, я так больше не могу… стремно просто. Он говорит: да, снимаемся и отходим в сторону. Ну, отходим, а там, рядом небольшое здание, написано: «Телеграф». К нам подходит парень — киргиз, или казах — такой в клешах, как положено. Пьяный удолбанный. Говорит: О! Привет! Мы говорим: привет. А вы че сюда: говорит, за анашой приехали? Мы ему: тш-ш, какая анаша, ты с ума сошел, нет, тут нас товарищ должен ожидать, вот, мы его встречаем… Он говорит: да? А то к нам тут все за анашой ездят, у нас ее ту тмного растет! Кругом! Правда, говорит, днем ее собирать нельзя летают, говорит, вертолеты и стреляют из автоматов. Если кого увидят на поле — всех косят. Мы говорим: нет, мы не за анашой… А вы, мол, откуда? Да мы, отвечаем из Алма-Аты. Он: ах! Братки! Земы! Земели! Все! Пошли ко мне! Да мы говорим, — подожди, нас тут человек должен был встретить, мы его ждем-ожидаем. Поглядываем из-за угла на то место, где мы, собственно, должны быть. Он говорит — ну, как хотите, я пошел звонить маме в Алма-Ату, а вы, если захотите, можете переночевать у меня в вагончике.

Стоим. Двенадцать часов ночи, горный поселок Тюп — где это, я по карте никогда не видел, честное слово. Потоптались, потоптались — решили выцеплять этого Нурика. Зашли в здание телеграфа, он там кричит в трубку: мама, мол, у меня все хорошо! Отговорился — я к нему подхожу: Нурик, у нас такая ситуация, придется идти к тебе. Антон — то нас так и не нашел. Ладно, пошли.

Идем — смотрим: начинается колючая проволака, «буры» какието, вагончики — короче, оказалось, что он привел нас на «химию». На местную «зону». Заводит в вагончик и представляет

нас. Вагончик разделен пополам — и в одной половине как бы кровати стоят, там люди какие-то тусуются, и над всем этим стоит совершенно явный наркотический кумар. А в другой половине сидит такой дядя Коля и спокойно смотрит телевизор. Нурик так: "Дядя Коля! Вот, ко мне родственники приехали из Алма-Аты, можно, они переночуют сегодня тут?" Тот так: "Родственники? Ну-ну…". А он в свитере, в потертом пиджачке, такой — смесь артиста Басова с артистом Евстигнеевым, то есть не лютый, а спокойный персонажик. "Садитесь, говорит, ребята, фильм смотрите. Фильм хороший. "Профессия — следователь" называется". Сели, смотрим, смотрим фильм "Профессия следователь". Ну, напряженно, конечно, мы все-таки устали, спать уже хочется. Вдруг открывается дверь, заходят два человека, один худой, с обожженным лицом, второй — такой здоровый. Что-то они там перемигнулись, подсели к нам и начали этого Нурика доставать. Ты че, говорят, сюда пришел, в вагончике нашем, какого черта… Начинается такое чи-чи, га-га — блатной базар. Мы сидим смирненькие — два ангела перед входом в ад. Дядя Коля смотрит, что мы не реагируем — и так: "Ну, тихо-тихо, ну, видите ли, родственники к человеку приехали. Сидите, смотрите фильм. "Профессия — следователь" — хороший фильм". Сидим, как дураки, дальше, продолжаем смотреть этот фильм. Вокруг горы, тишина, ни одного огонька, и мы — полное собрание уродов.

Я говорю: дядя Коля, давайте, мы пойдем. Он нам ласково отвечает: идите, идите, ребята. Завели нас в вагончик, там сидят пять человек. Парни достаточно интеллектуального вида — покрайней мере, не лютые уголовники, скажем. Эрик — здоровый, двухметровый прибалт, кулаки — как две пивные кружки. О! — говорят, — вот, Нурик привел людей. Кто такие? Мы отвечаем — мол, музыканты, путешествуем… Ну-ну, говорят, сейчас посмотрим, какие вы музыканты… А что, отвечаем, какие уж есть. Саш-Баш сел за стол, я — возле двери на корточки. Смотрю — тот, что возле Саш-Баша сидел, достал ножик и стал им ногти чистить. А тот, что возле меня был, тоже вынул ножик и стал играть им — втыкать в пол: Пык! — чик. Чик! — пык. И так приговаривая при этом: "Кто выберется… кто не выберется". Кто выживет… а кто не выживет. Все едино…" Я смотрю — в принципе, люди — то они хорошие, видно по ним, все равно внутренний огонь есть. Лица — то у них нормальные. Я говорю: ребята, че паритесь, давайте, мы вам песни споём. И все сразу разберем. Ну, мы гитарки с Сашкой расчехлили — он три песенки, я три песенки… Попели. Те люди умные, понятливые, говорят: ну, так с этого и надо было начинать… у настут как раз

супчик поспел… Накормили нас супчиком — век не забуду, со всеми специями. Говорят: еще гони. Мы еще по песне. Они косяки достали — а какой там у них план — ежику понятно: со спичечной головки четверо человек могут улететь, и так надолго подумать обо многом. И тут один человек останавливает: все, все, все! Хватит музыки, все — на планы! Время пришло! Я говорю: ребятки, может, и нас возьмете, мы там тоже что — нибудь попробуем потереть сбоку… Они нам: у-у-у, нет, все в разные стороны… Я не понимаю — что такое? К Эрику подхожу, а Саш-Баш в это время разговаривает с другим человеком. Эрик мне объясняет: у нас тут такая система — у каждого свой пятак, мы расходимся, и где кто трет — никто не знает. Слышу — Саш-Баш говорит с человеком, тот ему предлагает: хотите, я вам покажу дорогу? Вон, идите туда, — а Там толи электрическая лампочка вдалеке, толи звезда, в темноте не поймешь ничего. Человек этот предупреждает: там сначала будет собака, но вы ее не бойтесь. Потом будет по щиколотку, потом — по колено. Но вы идите дальше, там дальше еще электрические провода, но мы их обычно переступаем.

Собаки, электрические провода… Эрик отказывается нас вести кто вас привел сюда, говорит. тот вас пусть и туда ведет. А Нурик вообще никакой. Но пошли мы за ним. Эта электрическая лампочка, оказалась подвешена над какой-то не то свинофермой, не то еще какой фермой. Идем мимо — и тут через забор прыгает собака, повисает на поводке с диким лаем: ав-ав-ав! Мы остановились… СашБаш говорит: слушай, давай вернемся, я брошу курить — вообще, навсегда. Нет, раз уж пошли — надо идти. Собака висит на заборе, воет… Мы пошли дальше. Вдруг трава вокруг нас начинает как бы оживать — с таким шипением: ш-ш-ш… Оказывается, там лежали старые электрические провода, скрученные, они тут никому не нужны, но если касаешься одного конца — оживает все поле. Совершенно фантастическое зрелище при луне…

Дальше — топь. Топь оказалась таким арыком — метра два внизу, а поскольку она расширяется кверху конусообразно, то получается метра четыре — не прыгнуть. Нурик говорит: давайте, я прыгну. Разбежался — прыгнул — свалился по колено. Сашка говорит: давай я прыгну… Разбежался… и в самую середину топи: ба-бах! Нурик его вытащил. Я думаю — прыгать стремно. Решил поискать другое место, прошел в сторону метра три вижу там мостик оказался через эту топь. Я перешел, смотрю на них. СашБаш глядит на свои руки: все черные, как в мазуте. И — луна на нем играет, отражается. Он говорит: я же весь в анаше! Вижу, отвечаю, Санечка, что ты весь в анаше… Вывел нас Нурик на

твердое место, где деревья растут. Она — говорит, — где-то здесь должна быть. Вы, говорит, ее по виду-то отличить сумеете? И тут мы врубаемся, что он анаши — то есть конопли — в своей жизни никогда не видел… Нарядили, то есть, ребята нас в поход. Я говорю: все, все понятно, знаешь, Нурик, мне доподлинно известно, что на болоте конопля не растет. Так что надо вертаться обратно, пока не поздно, пока не рассвело. Пойдем, говорю, тем же путем. Нурик мне: нет, зачем же, тут если напрямик идти — вон огоньки — это же наши вагончИКИ. Шли мы, шли, плутали, с кочки на кочку прыгали, и оказались в один прекрасный момент на одной кочке втроем — спина к спине. Справа болоТО, слева болото, прямо болото, и как мы сюда пришли, черт его знает… А впереди дерево растет, где-то метра за полтора — и все, больше вокруг ничего нет. Нурик говорит: там должна быть твердая земля, надо кому-то прыгать. Мы ему: ты нас сюда привел — ты и прыгай… Ну он, как парень честный, говорит: ладно, ребята, подержите только мой пиджак. Прыгнул, уцепился за дерево и облегченно так: "Земля!" Мы тоже попрыгали, вернулись обратно, в тот вагончик. А там уже ребята пришли с планоВ такие уже раскумаренные — чай пьют… Мы являемся — грязные, лютые… Они нам: ну, как? Мы им: во! А мы, пока на этой кочке стояли втроем, сильно обхохотались — поняли, что нас послали в страну дураков.

Саш-Баш взял там какой-то шланг с холодной водой, несмотря на то, что ночь тоже была достаточно холодная — просто поставил его над головой и вымылся вместе с одеждой. Что там мыть, что там стирать было — там все были горы сплошные грязи. Положили они нас — Саш-Баша в один вагончик, меня в другой, с Нуриком.

Просыпаюсь утром — сидят рядом со мной несколько мужиков, взрослые, солидные, и дядя Коля с ними, они все косяки забивают. у них, оказывается, планерка — ну, бригада собралась перед работой. Забили, вышли курить на улицу. А я пошел носки выжимать… Слушая их разговор — они курнули, у них базар свой завязался — и один говорит: я, мол, вчера взял электропилу, она как начала жужжать, как начала — вж-ж-ж! — чуть мне ногу не отпилила! Я думаю: да, на такой траве не то что ногу — голову отпилить себе можно…

Ушли они строить дома — там, собственно, у них стройка была. Я перескочил в другой вагончик, где Са-Баш — там Эрик, значит, оставался. Они одного человека оставляли всегда — все уходят строить, кирпичи класть, и один должен все время поддерживать чайник горячим, то если кому-то по укурке захочется сладенького или чаю горяченького, так у них там и

сахарок, и конфетки — дешевые, правда. Эрик говорит: вы на нас обиделись? Мы говорим: да нет, что на вас обижаться? Он нам: ладно, не обижайтесь… Раз — нам полкоробка мацанки отрезал ножом: возьмите, говорит, только в кулак зажмите и несите, потому что здесь все-таки не санаторий, ментов вокруг полно, мало ли что…

Саш-Баш переоделся в какой-то спортивный костюм, на шорты его надел, вообще стал как Олег Попов. Взяли мы гитары, поблагодарили Эрика да пошли. Выходим туда — кругом машины с известкой ездят, люди работают, раствор замешивают, менты ходят — ну, Стройка, и мы такие, два идиота с гитарами, два клоуна. Я в руке держу Эриков подарок — и он у меня просто как звезда горит, я чувствую, что все видят — я несу в руке анашу. Смотрю — бросить ее инекуда, если что. Земля сухая кругом — все равно как дома на пол сбросить, она так и будет лежать. И кругом жизнь происходит, как во времена Катаева — тачки возят, и вид-то у нас совершенно отличался от всей остальной тусовки. Санечка, говорю, я больше не могу так, давай, я до ворот донесу «звезду», а дальше ты понесешь. Дошли до ворот, он у меня ее перехватил — плечи выпрямил, грудь выкатил и Пошел вперед, я за ним. Вышли оттуда — к счастью, никто нас не тормознул. А там перекресток такой оказался перед поселком. И прямо на перекрестке стоит огромный дубовый стол — верите или не верите, но прямо так. Пост ГАИ, и перед ним стол трех метровый, за ним сидят гаишники, у них бумаги там, ручка лежит, рядом с этим столом машины и останавливаются. Супербюрократический пост — прямо на улице. Я такого невидел никогда. И говорю: давай его лощиной обойдем, потому что стремно оно — перед таким столом проходить.

Обошли этот стол лощиной, вышли на дорогу, стали тормозить машину. Ни одна не останавливается. Потом один грузовик все-таки остановился, шофер спрашивает: вам куда? Да нам, говорим, ближе кАлма-Ате, мы домой возвращаемся. Он говорит: ребята, я бы с удовольствием, но я только что коров возил, так что, сами понимаете, какой у меня кузов… Саш-Баш туда заглянул и говорит: залезаем. Я заглянул — труба просто: весь кузов аккуратно вымазан говном и только так слегка почищен лопатой. Саш-Баш достает из кармана газетку, стелет ее посередине, мы за среднюю линию беремся, и где-то так минут тридцать пять по горным дорогам стоя переехали, держась за одну палку…

Потом, ближе к зиме мы поехали в Новосибирск. Я там ни разу не был, а Сашка был, и говорит: есть у меня там друзья, Кока и Сова. Он Сове дозвонился и объясняет мне: они придут на

репетицию к группе "Калинов мост" — молодые парнишки, надо посмотреть. Мы пришли, там парни стоят, репетируют в подвале, как положено. Открывается дверь, заходят Кока и Сова. Кока был директором ДК Чкалова, ну, это ведущий ДК Новосибирска. Кока очень оригинальный человек, обаятельный, талантливый, поет такие концептуальные песни. Правильный человек, в общем. А Сова — лучший портной этого города, обшивает весь Новосибирск, и, соответственно, человек достаточно самостоятельный. Заходят они в этот подвал почти на четвереньках, в руках — по бутылке водки. Мы сели, выпили, познакомились с "калиновыми мостами" — «мосты» оказались такими интересными мальчишками, пели хард-роковую музычку такую русского стиля. Я Ревякину говорю: Джима Моррисона слышал когда-нибудь? Он говорит: ну, слышал, конечно. Я ему книжку дал почитать переводов Рашида Нугуманова, классно переведены, совершенно уникальные переводы. Мы хотели выпустить здесь, но пока дело еще не вышло, нужно еще с Рашидом это дело согласовать.

Потом пошли пить сибирский спирт. Сидели мы, пели песенки. «Мосты» решили надомной подшутить, налили мне стакан чистого спирта. Я, конечно, хлебнул — и пролил на себя. Они: ах, ай-яй-яй, как же можно проливать алкоголь на себя? Я говорю: ничего, все в порядке, сейчас подсушим. Взял зажигалку и зажег — вспыхнул просто таким факелом. Они кинулись меня тушить и говорят: да, питерский рок-н-ролл — трудная вещь, с нимтяжело справитъся… у меня, правда, ожоги на ногах оставались- ну, ничего так, на некоторое время.

Саш-Баш, правда, оставался там недолго, потом уехал где-то на неделю, я был один, предложили мне там акустические концерты. В один прекрасный день мы сидели — была Янка, еще девчонки там такие, из «Путти» вокалист, и вот они говорят, что все для развлечений у нас кончилось, но сейчас может прийти один человек — он принесет шампанского. Пришел человек в серой тройке, толстенький, пузатенький, принес шампанского, мы его выпили — и как-то так вышло, что все разбежались, я остался один. Я города не знаю — а мне этот человек и говорит: да я тебя довезу. Только надо заехать к одному приятелю, который мне должен пятьдесят рублей — по тем временам — деньги большие. Обещал посадить меня в тачку и довезти до улицы Ленина, где я жил у одного приятеля.

Мы заходили с ним в какую-то квартиру, там какое-то шу-шу-шу, ша-ша-ша, ля-ля-ля, и он говорит: ты знаешь, того, который мне должен деньги, здесь пока нет, надо его подождать. Так что проходи, подождем, я сейчас приду. Я снимаю ботинки, прохожу в

носочках — а в комнате сидит мент в форме за столом, перед ним папка развернутая. Я говорю: "Здравствуйте!" А он мне: "Здравствуйте!" Я так и присел на диванчик, глупый странник. Пришел мой приятель в серой тройке, еще с одним милиционером, принесли они целый дипломат водки. Ну что, говорят, парень, попьем? Ну, что делать. Сели мы пить — разговаривали, разговаривали, рассказал я им, как мы были в гостях у Аллы Пугачевой… Ну, а куда было деваться? Люди в форме сидят передо мной. Они мне: А может, сыграешь? Я говорю: нет, не могу, у меня струна порвалась. Они говорят: мы сейчас ее запросто натянем! Я говорю: ну, попробуйте. А я как музыкант знаю, что если струна оборвал ась на сантиметр ниже, чем ее можно натянуть, то натянуть ее в принципе уже нельзя. Просто приятно было посмотреть, как четыре милиционера суетятся вокруг моей гитары. Так и не натянули. В результате мы пошли в еще какие-то гости… я там, кажется, ругал правительство… а время было как раз — междувластие, самое начало перестройки. В конечном итоге меня тот человек вывел, оставил в парадной и сказал: жди здесь. Проснулся я от того, что через меня переступает молодая интеллигентная семья папа, мама и дочка. И они дочке говорят: видишь, человек пьяный спит. Сами вы пьяные, — сказал я им. Обиделся. И вышел на улицу, а там — поле чистое. Тормознул машину, добрался домой. Мне все остальные не поверили, что меня завлекли в такую ситуацию. А как же, говорю, где же, по — вашему, я был, как не в гостях у ментов…

Саш-Баш уехал — поселился я у Совы. Сова, как талантливый портной, был человек зажиточный, и мы с ним славно гуляли какое-то время. Но он еще отличался тем, что был меломан, причем меломан серьезный. У него было четыре полки, заставленные пластинками: весь «Битлз», весь "Роллинг Стоунз", ну — просто все, даже «Дорз» мы там нашли с Саш-Башом. Но любимый человек у него был Фрэнк Заппа. Он мне сшил штаны совершенно великолепные, причем сшил за полтора часа, может даже меньше. И вот стали мы с ним как-то разговаривать, я ему и говорю: Сова! Ты такой зажиточный человек сибирский, живешь в Академгородке. Воту вас группа сидит в подвале — "Калинов мост". Возьми, стань ее менеджером. Парни-то лихие, поднимутся, вроде неглупые, песни правильные поют. Возьми, вложи в них деньги, что ты их только на водку да на спирт тратишь? И тебе слава будет, и город поднимут… Он отвечает: да не, дураки они, идиоты, поют хрен знает о чем, я вообще их слушать не хочу. Прихожу к ним — так, только потому, что люди хорошие. Он мне стал ставить Фрэнка Заппу: вот, любимый мой

человек, не то что эти… я говорю: слушай, Сова, если ты станешь менеджером группы "Калинов мост", Фрэнк Заппа пожмет тебе руку. А в это время получилась такая ситуация, что должен был приехать Брайан Ино к нам в Питер, и, соответственно, через него можно было выйти на Фрэнка Заппу. Потому что мой тогдашний басист должен был тогда найти первый "термин вокс", замечательный инструмент, который до сих пор мало используется в музыке. Он не поленился, поехал в Москву, нашел изобретателя «термина», купил у него этот первый "термин вокс", на котором, говорят, играл еще Ленин в 22-м году. И собирался приехать Брайан Ино, чтобы попробовать все это. Сова слушал, слушал, но в какой-то момент решил, что ему просто гружу все это ну, то есть так… просто вру. Такие имена привожу, уж прямо так уж там… лихо-то все. А я все говорю: вот, станешь менеджером группы "Калинов мост" — Фрэнк Заппа пожмет тебе руку!

Короче говоря, я уехал в результате. Сова, видно, подумал — да менеджером-то и стал. Результаты я рассказывать не стану — они известны. И случился однажды такой прекрасный момент, когда группа "Калинов мост" репетировала на студии у Микояна — ну, у Стаса Намина. Вдруг открывается дверь, заходит Фрэнк Заппа, ему представляют: вот, Сова, менеджер группы "Калинов мост", а это — Фрэнк Заппа. Есть даже фотография — публиковалась — публиковалась в" Московском комсомольце": Стас Намин, Сова, Фрэнк Заппа и Микоян. Видел ее своими собственными глазами.

После этого Сова уехал обратно в Новосибирск и занялся швейным бизнесом. За каждое слово, которое я здесь сказал, я несу душевную ответственность…

Слушай! Я не хочу тебе лгать,
Я не обещаю тебе старых приятных наград, я обещаю тебе новые, грубые,
Вот каковы будут дни, что ожидают тебя:
Ты не будешь собирать и громоздить то, что называют богатством,
Все, что наживешь или создашь, ты будешь разбрасывать щедрой рукой,
Войдя в город, не задержишься в нем дольше, чем нужно,
и, верный повелительному зову, уйдешь оттуда прочь.

УОЛТ УИТМЕН

Мы с Панкером пришли к Майку в то место, где он занимался творчеством, писал песни, и — работал по совместительству сторожем. Как положено в этом мире, похоже, всем художникам, писателям и музыкантам. Они сторожат. Только кого от кого — непонятно. Но они сторожат. А кто должен быть на страже, с другой стороны, как не писатель, не музыкант, не поэт? Майк там занимался, ко всему прочему еще тем, что пил портвейн, встречался с друзьями и играл в преферанс. Он вообще был очень обаятельный человек. Панкер представил меня Майку как Алису. Мы принесли ему портвейна, любимого Майковского напитка. Посидели, потом он позвонил своей жене. Говорит: я здесь сижу, все в порядке, работаю. Как я понимаю, она услышала голоса и спросила его: а с кем ты там? Он отвечает: с Панкером и Алисой. Нет, говорит, Алиса — это не женщина, это мужчина… Что ты, мол, это не гомосексуализм, это психология. В общем, отмазался от жены по полной схеме. И с тех пор я стал некоторым образом его крестником — потом это прозвище стало расходиться все шире.

Майк был фантазер, вообще — добрейший, обаятельнейший человек. То, что с ним случилось, я до сих пор не понимаю. Обстоятельства его смерти так и остаются во многом загадочными. С Цоем, по крайней мере, все понятно если не по сути, то по форме — как все случилось. У Майка все было почти так же, как с Жорой Орднановским. Тот, как известно, просто исчез, не оставив никаких следов.

Впервые с Костей Кинчевым мы познакомились в мужском туалете Ленинградского рок-клуба. Ко мне подвел его Панкер и представил как своего знакомого из Москвы. Он был симпатичный мальчик с пронзительными угольно-черными глазами, с челочкой, ниспадающей на нос и с точечкой на кончике этого носа. Я не обратил на него никакого внимания — ну, приятель и приятель. Бог с ним. Второй раз он возник уже тогда, когда Панкер мне сказал про него: Костя поет хорошие песни, мы ездим с ним в Сливянку… или Славянку… станция такая есть на юге… у Панкера надо уточнить… не помню. Так вот, говорит, не мог бы ты помочь ему записаться? Ну, я говорю, — наше дело — пыхнул и пошел вперед. Бог придал нам силы, Панкер согласился на все условия, — короче, мы встретились во второй раз уже у церкви… не помню названия церкви — та, что у Летнего сада. Там Панкер работал в театральном институте звукооператором — и он привел нас в свой театральный институт. Пришел Заблудовский Андрюша, Балашов — «секретовцы». Сели. Мне Костя пропел свои песни, я говорю: ну — что… ребята, я вам покажу как и что. Наметили приблизительные

аранжировки. да они сами — великолепные музыканты, мгновенно схватили все. Костя играл на банке… Записали мы первую песню "Доктор Франкенштейн" — потом туда-сюда — и получилось так, что вошли мы встудию в два часа дня, а вышли в два часа ночи уже со сведенным альбомом. В конце записи Панкер прыгал от радости — а он такой толстый, массивный… большой холодильник с черными зипперами по всему телу. В общем, было замечательно. Поэтому мы решили назвать этот альбом "Нервная ночь" — я придумал название, поскольку название-то какое-то должно быть, раз группа создалась. А так как меня Костя постоянно «подлечивал» — то от Франкенштейна и перешло к нему то… некое состояние — докторское. Так он стал доктором. Шел 84-й год.

Состав «Алисы» сложился тогда, когда моя группа "Хрустальный шар" ввиду женитьбы гениального гитариста Вовы Кровавого разошлась. Вова был действительно гениальный гитарист, мог играть как угодно — на голове, стоя «мостиком», и так далее. Мы играли, я считаю, достаточно хороший хард-рок, такой сексуальный, подвижный. Прозвище «Кровавый» произошло оттого, что однажды они с ребятами военную форму набили соломой, облили красной краской и оставили в парадной. Проходившая мимо старушка, говорят, увидев это, умерла от сердечного приступа. Но потом он женился, жена увезла его с собой, и у меня группа без основного гитариста несколько растеклась. Ко мне подошел Паша на заседании рок-клуба — и, как деловой человек, предложил объединиться. Представил мне Шаталина. А Шаталина я уже до этого видел — он выступал в группе "Демокритов колодец", им самим созданной, и когда я от Паши узнал, что человек, приехавший из Красноярска, умудрился создать здесь группу, написать для нее сам тексты, музыку, и при этом у него еще в группе грузин с Салтыковым — позже известным по другим проектам… Шаталин был такой Железный Дровосек — совершенно спокойный, очаровательный мужчина. Он мне импонировал больше всех в этой группе — а они играли в стиле «бостон», довольно жесткую музыку. И было видно, что от Шаталина там основная энергия и идет, несмотря на то, что он сам по себе очень скромный и спокойный. Мы с ним собрались и попробовали играть вместе. Ситуация была такая — Шаталин любит «бостон», хард-рок, "Дип Пепл", Паша — более мягкую музыку, я увлекался психоделическими сложными штуками, поэтому вроде бы сначала произошла несостыковка, но потом я их уговорил… с помощью алкоголя, места и аппаратуры: ребята, почему бы нам, собственно говоря, не сойти с ума и не начать изначальна — с хаоса? Давайте не будем задаваться вопросом —

что мы будем играть, а просто будем играть и чувствовать гармонию того, кто играет дальше. Тоесть принцип был очень простой, и постепенно мы составили "хаосную программу" — "Синтезатор сладострастия". А со мной с текстами еще работал Илья Утехин — но он всегда старался оставаться в стороне. Сейчас он дипломат, а тогда еще только хотел быть дипломатом, и мы были, прямо скажем, не самым чистым пятном его биографии. Программу мы репетировали у господина Терещенко в его корабельном институте — он нам любезно предоставил «точку». До нас там уже репетировал «Аквариум», но Борис после второй вещи закричал: "Здесь невозможно играть, здесь так пахнет коноплей, что я не могу взять третьего аккорда".

Они попросили нас сыграть для местной публики — на танцах для студентов. Мы переоделись. Паша надел на голову консервную банку, привязав ее проводком, Шаталин — на голое тело фрак, у менябыла кепка лихая и футболка с надписью "Эйр Франс" — короче, выглядели мы «цветно». Вышел Терещенко, объявил, что выступает группа «Алиса». Мы выскочили на сцену с криком: "Ха-а!", ударили по струнам, публика обернулась… и побежала. Бегом! Вся! Не сговариваясь! Мы после третьего аккорда остановились, и мне пришлось в микрофон кричать: "Ребята, стойте, мы, собственно говоря, ничего ПРотив вас не имеем…" я впервые такое видел — а ведь до этого много играл на танцах. То ли мы принесли какую-то энергетическую волну, то ли что, но ситуация была просто абсурдная.

Остановились они в метрах в десяти — стоят, на нас поглядывают. Было такое ощущение, что Змей Горыныч выскочил на сцену, поклацывая зубами и попыхивая огнем… Ну, вернулись они обратно, послушали все, потом даже начали танцевать.

Потом нас Коля Михайлов пригласил выступить в Выборге. Это было с подачи Андрея Коломойского. Я не зря их всех называю — люди очень хорошие все. Мы приехали туда, нам отвели гостиницу. Выступать мы должны были в небольшом ресторане на подвесном балконе. Где-то в середине программы у нас отрубился микрофон, и мнепришлось просто как Гитлеру орать с балкона, потрясывая рукой, под звон музыки. Все танцевали внизу. На следующий день ресторан решено было закрыть на ремонт… А местный комитет комсомола сказал нам, что они вызывают комиссию из Ленинграда — для проверки, так сказать, деятельности нашего коллектива. И нам серьезно сообщили: вы, ребята, особенно там не дергайтесь — между прочим, в этой комиссии едет сам Коля Михайлов… Да, сказали мы себе, пожалуй, дергаться мы особенно не будем. На следующий день мы выяснили все о прибытии Коли Михайлова.

Для шпионской акции был послан Миша Нефедов, как самый незаметный. Такая сцена: идет Коля Михайлов в окружении комсомольцев — а они-то считали, что он самый главный палач у нас в рок-клубе. И мимо него проходит Миша Нефедов, произнося сквозь зубы: "Триста шестьдесят пятый номер". Он, точно так же: "Понял, потом зайду". Совершенно шпионская ситуация — а мы сидим, ждем суда: приехали палачи.

Коля поднимается, спрашивает у нас: что произошло, почему меня сюда вызвали, комиссия в двенадцать человек прибыла? Мы говорим: да ничего, Коля, просто мы поиграли обычный питерский рок-н-ролл… Вечером того же дня нас собирают, приводят в комнату, в которой стоит стол, накрытый красной скатертью. За столом двенадцать человек во главе с Колей — такой Христос-судья. Михайлов тактически дал возможность нас обвинять. Меня спрашивали: вот, а почему, мол, у вас майка трехцветная? А у меня майка была в виде французского флага с надписью "Эйр Франс". Я отвечаю: вы что, думаете, что, выступая в этой майке, я создам ажиотаж вокруг французского аэропорта? Они согласились, что, возможно, нет. Предъявляли еще всевозможные нелепые обвинения, потом Михайлов нам подмигнул и сказал: пусть ребята пойдут покурят, а мы пока обсудим их судьбу. Михайлов есть Михайлов — одно слово. И весь вечер мы шикарно пропьянствовали. Коля сказал: молодцы, ребята, даешь питерский рок-н-ролл! Нашли кого привезти… И с этого, соответственно, из Выборга пошли скандальные записи: "Наш девиз — сумасшедший твист", "Мы танцуем на палубе тонущего корабля", и все прочее.

МЫ искали вокалиста — поскольку я прыгал с гитарой и часто попадал мимо микрофона, то есть не успевал кувыркаться и одновременно петь… ситуация клоунская. Поэтому нам нужен был вокалист, но человек, отвечающий нашим, так сказать, требованиям. И когда Панкер нас познакомил с Костей, я предложил ему это. Тот согласился: давайте, я вам помогу, мне так нравятся ваши песни, но я говорю: нет, у тебя же достаточно сложная своя психологическая позиция, хорошая программа. Тем более — я не поэт, я занимаюсь другими делами. Поэтому мы сделали программу целиком на его стихи. При этом порой выходило так: «питеризировали» гармонию его песен, так, что Костю это иногда шокировало — Шаталин вообще очень жестко меняет гармонию. Сделали классную программу. Однажды ему даже пришлось спеть песню, когда он не знал, что в ней будет за музыка. Мелодия та же, а гармония совершенно другая… Тем не менее, получилось достаточно великолепно. К этому приложили еще руку дамы — как всегда, у каждой группы есть свои

"охраняющие ведьмы", без этого не обходится, живое не будет расти. Это была Ада Булгакова и — позже — Галина Пална Самойлова. Мы были друзьями с «секретами», справляли вместе дни рождения, и через них были завязаны с актерской тусовкой. Отсюда тяга к театрализации.

Мы не несли политических идей. Пожалуй, мы просто несли идею правды — а правда сама по себе политична… потому-что, как говорят политики, "лучше вовремя смолчать, чем положить голову на плаху". По молодежным газетам, говорят, тогда распространялись списки запрещенных групп — тех, которые нельзя упоминать в статьях в положительном смысле. Числились в тех списках и "Хрустальный шар" и «Алиса». Но у меня все группы запрещенные. При всех временах и при всех правительствах. Потому что идея жизни — она всегда запрещена идеей болота.

После этого Костя пригласил нас в Москву. Я в Москве никогда не был. Сели с Костей, попили пива. Попили — Костя говорит: "Ребята, альбом-то какой хороший! Славный, прекрасный альбом". И… плохо ему стало, прямо на одежду. Одежду сняли. Он надел белый пиджак и белые брюки прямо на голое тело. Сел с нами снова бухать. Итолько сказал: "Ребята, альбом-то какой хороший…" — снова то же самое. Пришлось с него опять снять белый пиджак и белые брюки и все это замочить в ванне…

Я уже говорил — в Москве я был впервые, так что смотрел на нее с этаким питерским шовинизмом: ну-ну, Доктор, показывай свою белокаменную… Выходим на Красную площадь. Это что, говорю, она такая горбатая? На фотографиях она прямая, а тут горбатая. Доктор обиделся: ну уж, какая есть! А это что? — спрашиваю. А это, отвечает он, между прочим, Лобное место. А не слабо бы нам, Доктор, говорю ему, сыграть концертик на Лобном месте? Не-ет, не выйдет, отвечает он, тут ментов полно, за пятнадцать метров не подойдешь.

Ну, ладно. Как-то раз засиделись мы с ним в гостях у тогдашнего редактора журнала «Экран». Ушли от него в половине пятого утра. А к старой Костиной квартире нужно было идти как раз через Красную площадь. Раннее утро, ни одного мента поблизости, а на Лобном месте, смотрим мы, сидит компания каких-то венесуэльцев с гитарами. Были они какой-то коммунистической делегацией, приехавшей в красную Мекку. А дайте-ка нам гитарки, просим мы у них. Дали. Сыграли мы с Костей по песенке на Лобном месте. Как и планировали. Венесуэльцам понравилось, хотя они ничего не поняли. "О-оо!" — залопотали.

Ладно. Подходим к Мавзолею. Спрашиваю: ты был в

Мавзолее? Нет, не был. Я — то — тем более, конечно. А не слабо бы нам сейчас зайти в Мавзолей, Ленина по щеке потрепать? Ну, что — пошли. Костя только занес ногу над ограждением — цепочка там была такая как начали бить куранты. Шесть часов. Костя подумал — подумал иговорит: не, не пойдем. Примета не хорошая: шесть часов бьет, и тут еще к Ленину идти…

Когда мы с ним утром проснулись, то я спросил у него: как ты думаешь, где мы должны были бы проснуться? Ну, где, — конечно же, вкремлевском вытрезвителе… В шесть утра к Ленину в гости собрались. Интересно, там, наверное, по утрам кофе подают?

Есть классическая история про «Алису» с косой челкой" и все то, что потом происходило — с судом, и так далее. Возможно, с чьей-то стороны это выглядело подругому, но я могу рассказать ее так, как это выглядело с моей стороны. За факты ручаюсь — так все и было.

Пришел я, в общем, на концерт к своему любимому другу и товарищу Косте Кинчеву. Мелкие панки ошиваются вокруг, топчутся. Прошел внутрь. Подхожу к их менеджеру Алику Тимошенко и говорю: Алик, знаешь, ко мне должны жена с сыном придти, проведи их по списку. Он отвечает: не сомневайся, Слава, все будет хорошо. Алик человек порядочный. Я поверил, потом пошел в гримерку, начали приходить артисты и знакомые. Мы все сидим, потом пошли с Костей в душевую — а душевая в гримерке имеет вид распивочной. Соответственно, появилась бутылочка. Потом пришел бодрый Шаталин, звенящий латами и стеклом, и подготовка к концерту стала продолжаться. В положенное время я выхожу, подхожу к Алику и говорю: Алик, в чем дело, где там все наши? А он такой бледный, нервный ходит, говорит: знаешь, я не могу их провести. Я ему: как так? ОН говорит: менты порвали все списки на проходке, и, говорит, полный бардак там творится, фаны напирают, и все такое. Я в разогретом состоянии, говорю: Алик, как так, что значит — не можешь, у меня жена там, ребенок, знакомые наши. Он заморенный, в делах, и все твердит: ничего не могу поделать. Знаешь, говорю, Алик, ты менеджер или не менеджер? Он говорит: менеджер, но сделать ничего немогу. Я говорю: если ты не можешь это сделать, то я сделаю это сам. И пошел на проходку, туда, где они все должны быть. Отодвинул бабушку, которая там стояла, иду ровно и планомерно. Мне навстречу мент выскакивает с усами — ты, говорит, куда? Я говорю: какая тебе разница — туда, куда надо. Он посторонился — видит, что я иду оттуда, откуда надо. И Костя ко мне подошел — слушай, говорит, там у меня Аня, Ада должна подойти… и

пошел за мной следом. Мы вышли и наблюдаем такую картину: стоит перегородка железная, за ней- огромная толпа фанов, они напирают, а у самой этой перегородки наши девчонки. Я отодвинул перегородку, взял за руку Аду с Максом — ну, с сыном моим — и повел их. В этой ситуации не оглядываются — поэтому я не оглянулся, за Доктора был уверен. Он за мной следом пошел забирать своих. Поэтому я, собственно говоря, основной истории не видел. Но как мне потом рассказывали — Костя вышел, и мент смотрит: еще один идет, и тоже в нагляк. Еще один такой нашелся. Уж тебя-то, говорит, я не пущу. Соответственно, Костя ему: что за дела, надо, надо — значит надо. И стал отодвигать всторону эту штуку железную, а мент — задвигать обратно, и — Ане в живот. Сзади-то фаны напирают, а Аня была беременна, и Костя, соответственно, без разговоров сразу менту в пятак закатал. Ну, а там ведь как: власть, туда-сюда, и они, значит, на него, началась заваруха полная. Кому-то из журналистов, женщине, порвали пальто. Короче, Костя сказал: ну, если вы тут все такие крутые, лихие, что я даже не могу провести свою жену и приятельницу на свой концерт, и если ты, усатый, говорит, такой лихой, иди и пой вместо меня. А я, говорит, пошел ловить тачку и вообще поехал домой. И вышел, пошел, стал стопить тачку. Застопил, сел в нее. В это время прибежали Алик Тимошенко, Лосева, говорят: Костя, охолонись, толпа — целый стадион. А что, уехал бы запросто — собственно говоря, какого черта? Действительно… Ну, не знаю, какими молитвами они его там убазарили — но убазарили. Провели, конечно, всех, он вернулся в гримерку злой, как черт. Мы там еще немножко выпили. И он попросил меня: на "Моем поколении" тоже выйди. Я говорю: выйду, конечно. Ну, иногда получались такие истории, что, уже не играя, я помогал им делать шоу — в" Моем поколении" или "Атеист твист", просто появлялся, как персонаж из той же рок-н-ролльной сказки, но, так сказать, немножко неожиданно. Они пошли играть. Но любой артист в нервном состоянии это уже разрегулированный человек, тем более если в его руках новое поколение… Во-первых, он за него отвечает, во-вторых, он им руководит. Началось "Мое поколение". Я стал уговаривать своего Макса: пойдем на сцену. Было ему… да, где-то лет пять. А он такой — хоть и в кожаной курточке, но все-таки маленький еще. И говорит мне: нет, я боюсь. Как увидел эту чашу, огромную чашку стадиона, заполненную головами, и там такое: ш-ш-ш! Страшно это впервые увидеть. Древний Рим такой — в жутком состоянии. И он мне: папа, я боюсь! Я, разогретый, начинаю ему: ты, сын мой, чего ты боишься! В общем, начал с ним разговаривать по мужски. Меня все начали заводить: чтоты, мол,

издеваешься над мальчиком, куда ты его… Я насвоем стою: пойдет — значит, пойдет. В конечном итоге я посадил его себе на закорки и вышел на сцену. Он обернулся вокруг меня крепко-крепко, зажался — страшно же, Все вокруг орет, впереди, сзади, аппаратура, зрители… Он глаза зажмурил, но потом осторожно один глаз открыл, видит — все в порядке. И потом, после этого, вспоминал часто о том, как был на сцене, и уже стал спрашивать: папа, когда ты меня еще раз возьмешь на концерт?

Потом начался "Атеист твист". Я смотрю — канаты там такие натянуты, от середины зала до сцены. Огромные, толстые такие, сантиметров двадцать, наверное. Я канатик отвязал. Разделся по пояс маечка, сапоги, вид, конечно, не очень годящийся для шоу, но тем не менее. Взял, начал кататься на этом канате до середины стадиона и обратно. Потом решил прокатиться вдоль сцены, и — не рассчитал, погромил сапогами головы фанов: ба-ба-ба-бам, ну, просто как по клавишам проехал. И остановился на середине, чувствую — руки у меня ослабевают, соскальзывают просто. Отпускаю — и думаю: убьют же, ну, только что столько реп погромил. Отпустились у меня рученьки, упал я, а они меня раз так — нежно-нежно… Вот чувствую до сих пор и помню, потому что думал тогда — все! Очень нежно подняли обратно, и я с ледяным спокойствием выхожу на сцену, привязал канатик, ушел за кулисы. А там стоит совершенно зеленая администрация. Я говорю: че такие зеленые-то? Они мне: посмотри, говорят, наверх, куда привязан канат. А канат был привязан под осветительную аппаратуру, и когда я катался, весело резвясь над залом, она начала медленно и планомерно раскачиваться на тонких стальных тросах. И если бы вся эта штука упала, то… фиг его знает, сколько там тонн. Понятно, что могло произойти. Развлечение для взрослых мужчин, называется. Для тех, у кого стальные нервы. Я говорю: ну ладно, все же нормально, вы же видите, что все нормально. Я, собственно, чувствую такие вещи, и если я знаю, что зла не произойдет…

И я пошел с сознанием честно выполненного долга в гримерку, и, как положено воину, взялся за стакан. Что там дальше происходило — своими глазами я не видел, но, как говорил Костя, было так. Фаны лезли на сцену — ну, девчонки, парни, они чувствуют магнетизм, поэтому тянутся к нему. Ну, как: "говорило железо магниту: я тебя не люблю…" Никуда не денутся. Притянутся. А охраняющий мент подходит к одной девчонке — и прямо сапогом по лицу. Костя говорит: я, говорит, разозлился, ну, думаю, гады… И поэтому объявил: следующая песня посвящается ментам и прочим гадам. Ну, и соответственно: "Эй, ты, там, на том берегу", и прочее. Как-то все это дело тогда

прошло незаметно, они вернулись, помылись-оделись. Но начался какой-то шухер непонятный. Все закончилось, стали уходить. Макс с Адой У меня пошли вперед, а я остался еще с ребятами поговорить.

Тут, значит, мои любимые товарищи и приятели не сочли нужным предупредить меня, что на них облава, ушли все через каток, как мне потом сказали. А я, как честный гражданин своего города, поперся с приятелем на главный вход. Выхожу, значит, вижу, что стоит там большая грузовая машина с открытыми дверями. Приятеля — в одну сторону, девушку, которая была с нами — в другую, меня в эту машину — шварк! — в спецмедвытрезвитель…

В общем, привозят меня в родное 43-е отделение на Петроградской. Говорят: молодой человек, вы пьяный. А я начал говорить: вы что, с ума сошли? Я артист, с концерта, забрали, — идиоты, что ли? Вид у меня нормальный совершенно, вполне приличный, но достаточно агрессивный. Они меня — раз! — в отдельную клеточку. Там у них есть общая камера, а есть такая — отдельная камерка, для… не, как бы этообъяснить — для особо приближенных к Советской власти. На две коечки. Они меня туда засунули. Я не угомониваюсь, кричу: экспертизу давайте! Что значит — я пьяный? Я должен сам в этом в первую очередь убедиться! Пусть мне докажет это врач.

Они привели мне такую маму — тихонькая, спокойная женщина, в белом халатике, полная, добрая. Вывели меня туда. Она мне: ну что, говорит, пройдись, говорит, по прямой линии. Я говорю: мама! Я тебе не то что пройду — я промаршерую! И с высоко поднятыми ногами в стиле "хайль Гитлер" промаршировал ей по этой прямой полосе. Она на меня посмотрела так скептически и говорит: он, конечно, не пьяный, но плохо ориентируется в обстановке. Они меня — раз! — обратно в эту камеру. У меня тут уже никаких возражений не было — ну все, то есть, врач так приказал. Я там правда, еще покричал немного но на них сильно не ругался. Что с ними ругаться — они при исполнении служебных обязанностей, люди подневольные. Смотрю, собственно говоря, камера отдельная, так чтобы не лечь спать-то? Вот. Среди ночи меня разбудили — второго закинули. Он кричал, что у него мама — секретарь горкома партии. Шишковатого мальчишку поймали. Он сел, говорит мне: ты кто? Да вот, говорю, я артист. Он говорит: да? Так давай, говорит, песню споем. Мы с ним «Комиссара» вдвоем как затянули: "Ой, да конь мой вороной, да обрез стальной…" Тут же вошли такие менты со спокойными лицами и говорят: ну что, не нравится тебе здесь? Видим, что не нравится. И — меня в общий зал. Там

народу… человек сто. Ну уж, в общей камере я успокоился, лег, как все, поспал спокойно, утром, как все, поднялся, надел сапоги — американские, остроносые, которыми головы-то глушил. Один, сидящий рядом, такой зэк по жизни, говорит мне: давай смеряемся. Я ему: чего тут меряться-то? Он мне — раз так ногу свою: ах, говорит, маловаты, жаль… Я ему: ладно, ладно тебе…

Короче, выпустили нас, я успел местным, своим, любимым петроградским рассказать, как да что, они мне — сразу у милиции бутылочку сухого вина, тут же, будто из воздуха соткали. Похмелили меня. Я домой пришел к жене. Она на меня: где был, где ты шлялся?! Я ей честно выложил справку: вот, мол! Впервые в жизни был в медвытрезвителе. А она, бедная, волновалась, думала, я с девками оттягиваюсь. Фига с два!

Через несколько дней у нас гастроли. В замечательный город Челябинск. Приходим мы в аэропорт. В этот рейс у меня книги никакой нет. Что бы такое, думаю, почитать. Подхожу к автомату, опустил три копейки, газету «Смена» купил — молодежную. Открываю — написано: «Алиса» с косой челкой". О! — говорю, — замечательно! Свежак! Только что испеченная. Читаю — Доктор "хайль Гитлер" кричал…Ну, думаю, ничего себе — набедокурили-то, а… что же я то не видел ничего?

А дело в том, что в Челябинске был тогда единственный уникальный концерт — выступала группа «Алиса» и группа «Нате». Взял газетку с собой, полетели. Приезжаем туда. А челябинцы устроили нам лютый прием. Встречают нас пять «пятерок» в аэропорту. Всем чуть не отдельные машины. Мне «Волгу». Ну — молодцы, парни. Обслуживают в столовой местные манекенщицы. Все было очень серьезно. Приезжаем — «Алиса» уже сидят. Я подхожу к ним, говорю: Доктор! Подарочек у меня для тебя! Почитайте, говорю, свежую прессу. Купил в питерском аэропорту. Они сгрудились вокруг — читают. Ну, и, как бы, соответственно, полное недоумение: что такое? Я говорю: ты "хайль Гитлер" кричал? Он мне: не, не кричал… А что делать теперь? Я говорю: точно не кричал? Он говорит: точно не кричал! Значит, говорю, запись должна быть — у фанов, вообще у кого-нибудь. Достаньте фонограмму, да в суд на них, иудов проклятых. Та це ж провакация… как говорят хохлы.

Ну, собственно, и все. И они поступили правильно. Дальше, остальное, как бы известно.

Такие провокации в те годы были часто, в общем, и их многим приходилось испытать на себе. Еще когда мы выступали с «Алисой», помню, в гримерку к нам подошел кагэбэшник. Там уже ребята настраивались, мы стояли у зеркала с Костей, поправляли

фишки — он свою звездочку, я свои феньки. К нам подходит молодой человек в сером костюме: а что, говорит, вы звезд-то на себя понавесили?! Я говорю: а ты что, хотел, чтобы мы свастик на себя понавесили? Ушел ни с чем. Слова не сказал.

> То, к чему мы идем, не может быть отменено ничьим приказом.
>
> Привела ли к победе былая борьба?
>
> И кто победил? Ты? Твой народ? Природа?
>
> Но пойми меня до конца: такова уж суть вещей, чтобы плодом каждой победы всегда становилось такое, что вызовет новую схватку.
>
> *УОЛТ УИТМЕН*

я понимаю, что этот вопрос все равно мне зададут, как задают его всякий раз, когда мне приходится давать интервью.

- Но все-таки — почему же вы разошлись с Костей?

Я отвечаю по возможности кратко:

- В результате творческого несогласия. Подчеркиваю — творческого.

Или — спрашивают еще категоричней:

- Что между вами произошло?

— Между нами ничего не произошло. Он был и остается моим старшим братом. Просто у каждого вокзала оказалась своя дорога.

Он пришел и спросил: "А что у вас происходит здесь?" Сказали: ничего, живем нормально. Его посадили, налили ему чаю. Он спросил: "Вас кто-нибудь охраняет в этой жизни?" Ему сказали: да. Он говорит: "Кто?" Отвечают: санитары. Он предложил: давайте, я спою вам песню. Начал петь. Вдруг звонок в дверь.

Он открыл. Вошли люди в белых халатах, в колпаках и черных очках. Опять санитары-оборотни пришли? Да, это санитары-оборотни. Мимо них прошмыгнула крыса и скрылась. Они спросили: "Здесь есть еще кто-нибудь кроме вас?" Он ответил: "На улице есть дождь".

Они вошли, обыскали все комнаты и никого не нашли. "В феврале у вас был гость", — "Да, был, но его теперь уже здесь нет".

И он ему сказал: если ты хочешь, ты можешь стать генералом. У нас очень большой город, в этом городе все можно. Он говорит: не хочу. Лучше я буду наркоманом, чем генералом. Ты будешь позорить нашу семью? Нет, я не хочу позорить нашу семью.

Просто я не собираюсь этого делать, и все. Так кем ты станешь? Кем я стану, тем стану.

Знаешь, однажды моя рука была в голове моего друга. Он спрыгнул с пирса и утонул. Я бросился его спасать. Когда я вытаскивал его на берег, моя рука провалилась в его мозг.

Из ненаписанного сценария к не отснятому фильму.

Меня часто просят рассказать об инсценировке "Егоркиной былины" в университете. Мы делали это втроем — Башлачев, Кинчев, я… Башлачев сочинил вещь, которая совершенно классически является… колдовской. У него таких вещей две: "Егоркина былина" и «Ванюша». Я боюсь этих песен — но не то чтобы такой… «страшной» боязнью, а — духовной. Потому что человек, входящий в образ того, от имени которого он поет, сам как бы должен отчасти становиться своим персонажем. Саш-Баш в этом был очень силен — он сначала входил в образ, потом переносил его на других, чем, собственно, и лечил их. Классический русский стиль — "подобное лечится подобным". То есть он рассказывал алкоголику о его галлюцинациях. Я сначала, когда впервые слушал эту песню, не понял — о чем это. Потом до меня дошло, что здесь переложен классический бред алкоголика:

… Он, бродяга, пьет год без месяца
С утра мается, к ночи бесится,
Перемается, перебесится,
Перебесится, да повесится…

пел он сначала. А потом уже пел по-другому: "да дай Бог — не повеситься". В «Ванюше» — еще страшней ситуация.

Это некие заклинания, которые равноценны, скажем, гемадезу, всяким химическим средствам, которые возвращают человека обратно. Потому что, если человеку подставить зеркало и показать самого себя в его естественном виде, в котором он находится… Это был изначальный «алисовский» принцип — зеркала. Я тоже пытался делать именно так. Потому что, если хочешь показать бюрократа ты должен стать им сам и поговорить с ним на его языке, как будто ты пришел к нему на прием своим парнем. Это очень тяжелая ситуация, она выкачивает силы. Это страшно. Мне страшно даже тогда, когда я пою друзьям эти песни. Вдвоем мы еще осиливали их запросто — на двоих одну бутылку не страшно, а вот одному целую… очень тяжело. Потому что ты берешь на себя ту же ответственность. Когда начинаешь петь — ситуация сразу начинает моделироваться. Любой человек, поющий это, либо воспроизводит, либо делает, либо творит, то

есть Франкенштейн — неумолим. Даже если ты поешь о розовом кусте. Он все равно вырастет, и ты однажды его увидишь. И если ты борешься с чем-то — ты все равно с ним сочетаешься.

Я взял на себя третью часть трюмо — так было у нас с этой песней: взгляд прямо, взгляд справа, взгляд слева. Мы просто ему помогали. Потому что прямой взгляд — слишком страшно. Любой человек, который вмазался, предположим, ЛСД, не может смотреть на себя в зеркало. Я, когда меня впервые вмазали ЛСД, нашел способ выйти из этого состояния — при помощи колокольчика, зеркала и глаз. Возбуждаешь слух, зрение и разум, тогда останавливаешься. Это колдовская телега. Возможно, я фантазирую, но мне это помогало.

Так вот, выступали мы в университете и решили сыграть "Егоркину былину". Костя сказал, что он сыграет пальцами, я решил сыграть на "дудочке Пана" — знаете, Чилийская флейта. Начали мы качать тройную энергию — Башлачев пятился, пятился, и в один прекрасный момент просто провалился. Осталась одна гитара. Там дырка была в сцене. И песня оборвалась. Но настолько было фантастическое зрелище до половины, что все это помнят до сих пор. Мы вытаскивали его из этой дыры — а песня кончилась.

Была такая история. Я ему не поверил — в Сибири (не знаю, какой это был город), актеры местного театра решили устроить ему концерт ночью. Там стояло чучело козла, и когда он играл "Егора Ермолаича", оно неожиданно У всех на глазах поскакало. Я, говорит, сам бы никогда не поверил, если бы не увидел это собственными глазами. Козел поскакал! Надо песню эту слышать — для того, чтобы это понять.

…Женщины в жизни Башлачева? Настю я хорошо знал, а других девушек, которые были рядом с ним, знал мало, хотя они были. Он относился к женщинам с любовью. Но у нас выработался такой особый тип женщины — социалистический. Даже светлая женщина, находящаяся с детства в темной среде, при обретает черты темной. У Сани была очень открытая душа. Он любил повторять, что каждая проповедь хороша тогда, когда она исповедь — и точно так же повторял, что каждое содружество хорошо тогда, когда оно — любовь. А с такого рода максимализмом очень трудно существовать. Он «снимал» с девушек, с которыми общался, ту черную пелену — своими экстрасенсорными полями, что ли, и песнями своими. Были случаи, что у пожилых женщин, уже прошедших период климакса, после его песен наступала" вторая молодость" — даже чисто физически начинались месячные. А сколько У него было женщин в «практическом» смысле, я, честно говоря, не знаю, да и глупо

было бы подходить к этому арифметически. Здесь был уже какой-то другой уровень отношений, не имеющий ничего общего с совдеповскими понятиями" аморальности".

Помню, когда мы были в Сибири, сибиряки, как мужики хозяйственные, познакомили нас там с двумя девушками, которые помогали нам существовать — Лена и Яна. Девушки как девушки, достаточно нервные, энергичные. Как-то в один прекрасный день они исчезли вместе с Сашей — уехали на дачу. Я остался один развлекать сибирскую тусовку ну, об этом я уже упоминал. Они все обьявились через несколько дней, такие спокойные, притихшие…

Потом прошла еще пара лет, обьявилась у нас группа "Гражданская оборона". Я пришел к ним на концерт, смотрю — стоит на сцене девка. То, что они играют, музыкой назвать трудно, но энергия идет в чистом виде, сумасшедший драйв на двести двадцать вольт. Это была та самая Янка. Не знаю, какую роль сыграл Саш-Баш в ее судьбе, но судя по результатам…

А если он говорил, что "у него на небесах есть девушка, которая помогает ему писать песни" — то, я думаю, это была девушка метафорическая. Имя ей — Любовь. Он был всегда склонен образ превращать в реальный персонаж. Мало того, что он сам превращался внутри него — он образ делал реальным.

Теперь многие задают такой вопрос — как же мог Саш-Баш покончить с собой, ведь он был очень светлым человеком, умеющим поддерживать других людей вокруг себя.

Мы с Костей после того, как это случилось, засели на два дня вдвоем — пили, пытались воспроизвести эту ситуацию, пытались представить себе, как это могло произойти. Как это произошло — мы сумели понять, но вот — почему…

Я все-таки думаю, что самоубийством это не было — по крайней мере, самоубийством в классическом виде. Я склоняюсь к мысли, что тут виноваты грибы. В последние годы в питерской тусовке это увлечение было очень модным — впрочем, мне кажется, теперь оно идет на спад. Грибы — исконно русский наркотик: на Руси ведь никогда не было химических наркотиков, не было опиума, гашиша, но скоморохи издревле «торчали» на мухоморах. Ни к чему хорошему, как правило, это и тогда не приводило. Наркотики вообще сначала дают иллюзию "расширения сознания", но это очень опасный путь, на нем многие гибнут — гибли на Западе, среди рок-музыкантов, и у нас… Я знаю, что в последнее время перед смертью Саш-Баш очень активно общался с одной девушкой, которая, так сказать, как раз поощряла распространение этого увлечения. И грибы действуют на психику очень странным, непредсказуемым образом —

особенно на такую восприимчивую психику, какая и была у Саши. Могут подтолкнуть к самым невероятным действиям. Мне кажется, ему в тот момент показалось, что он сможет полететь. И он полетел.

Приятели, ночевавшие У него в квартире, рассказывали, что он начал будить их в восемь утра со словами: смотрите, солнышко восходит, пойдемте-ка в баню… Ему сказали: да ты с ума сошел, такая рань, какая сейчас баня? ОН будил их через какое-то время опятьснова с тем же предложением. А потом они проснулись часов в двенадцать, Женя Каменецкая подошла к окну и увидела уже только кровавое пятно внизу, на снегу. Тело уже убрала милиция. В квартиру не поднимались, потому что не смогли сразу вычислить, откуда же он упал — дом-то высотный, многоквартирный.

Проводятся сейчас многочисленные концерты, сейшены памяти Башлачева. Я к таким мероприятиям не отношусь ни плохо, ни хорошо, — никак. Наверное, это нормально. Но мне это не нужно как-то я просто храню его в сердце, как своего брата. И все.

Через какое-то время я написал ему письмо. Туда, где он сейчас находится. Говорят, самоубийц пятнадцать лет на небо не пускают так что, возможно, он еще находится где-то среди нас. И когда о нем вспоминают, поют его песни, то как бы «подкачивают» его своей энергией. Но это, конечно, может, только фантазия моя, — не знаю.

Это не было песней, посвященной памяти Башлачева — просто письмом ему.

Ты был разведчиком солнца во всех городах,
Они нашли тебя мальчиком, знавшим дорогу наверх.
Чтоб вернулись все птицы,
которых не слышал никто никогда

Ты должен отдать им свой звон, заклинанья и смех.
Двадцать пять — это зона любви,
двадцать семь — это вышка.

Солнце входит в две тысячи нищих, больных городов…
Чело Века в наказ,
как субстанцию, данную нам в ощущеньях,

На двенадцать апостолов — струн оставляет любовь.

Каждый поэт здесь богат, как церковная крыса:
Сотни бездомных детей — невоспитанных слов…
Но если небо — в крестах…
то дорога мостится
Битыми
черепами
колоколов.
Ах, эти песни — сестренки,
ах, колокола — колокольчики,
Над хрипящею тройкой, даль око сияющей зги…
Только лед на виски…
и под марш примитивных аккордов
Принимайте парад на плацу всероссийской тоски.
Кто соревнуется с колоколом в молчаньи
Тот проиграет, оглохнув под собственный крик.
Счастливой дороги, Икар!
Когда им в раю станет жарко
От песен
Ты новым отцом возвращайся к нам на материк.
Синий лед отзвонит нам дорогу весеннею течкой.
Мы вернемся в две тысячи нищих больных городов.
И тебя поцелует красивая черная ведьма
В улыбку ребенка под хохот седых колдунов.
Мы пройдемся чертями по каменной коже Арбата,
Пошишкуем в лесу да попугаем бездарных ворон…
… Только кровь на снегу…
земляникой в февральском лукошке
К нам гражданская смерть без чинов, орденов и погон.
Ты был разведчиком солнца во всех городах.
Они нашли тебя мальчиком, знавшим дорогу наверх.
Чтоб вернулись все птицы,
которых не слышал никто никогда
Ты должен отдать им свой звон, заклинанья и смех.

Впрочем, это песня — и ее лучше слушать, а не читать.

…Счастливой дороги, Икар.

Есть в Питере знаменитая история о котельной по имени "Камчатка".

Однажды Сергей Фирсов обратился с разговором к некоторым музыкантам рок-клуба по поводу Очень Выгодной Работы. Дело в том, что как раз в тот период угроза безработицы нависла над

Санкт-Петербургом, как черная туча над Уфой. Он предложил: делать, говорит, там ничего не надо, два разаподкинул уголь и пошел. Отапливать женское общежитие. И — набрал гвардию. Работали там Цой, художник Олег Котельников, Саш-Баш — не в натуре, а, что называется, "на подвесе", заменяя других — и, Начальник и Фирик. И мы заступили на работу. Сначала, пока было тепло, все действительно было хорошо — делать и впрямь почти ничего не нужно. Закинешь лопаточку — другую — и, если нет никого, садишься за гитарку, либо за книжку, либо за перо, либо за чаек-сахарок, либо за сальце с хлебушком, либо вообще — спишь просто, как Емеля на печи. С утра просыпаешься — и домой пошел. Опять же гости-приятели, опяжки. Собственно говоря, группа «Нате» начала репетировать прямо в котельной. Мои борзые парни притащили туда колонки и там начали играть.

И все бы вроде хорошо, но потом начало подмораживать. Потихонечку-полегонечку, но начало. А дело в том, что друзья-то приходят, Петроградская — место центральное, если засидишься — в крайнем случае, потом можно пешком дойти. Тот же Саш-Баш — приходит к нам, смотрит гости сидят. А там американцы-голландцы, водка «Смирновская», пряники, пирожки, конфетки, все песни поют, оттягиваются. Выходит иногда только кочегар за дверь, а вся остальная компания сидит себе. А там выйдешь за дверь, и нет никого. Котлы гудят, проклятые, и нужно взять кочергой, вытащить оттуда уголь раскаленный, все прочистить, — а вокруг угарный газ, как в аду, все очень люто, хотя делается это за пятнадцать минут. Условий никаких. И я еще говорил тогда: как вы думаете, где будет место рокера в аду? Конечно же, уголек под котлы подгребать. Опыт же есть… Ну, ведь не в самих же котлах — не за что…

И Саш-Баш говорит Фирику: а что это я на «подвесе» работаю, давай, я буду работать, как все. И вот проработал он одну ночь, я за ним следом прихожу в смену. Он сидит такой — с черными подводками под глазами, как бывает у кочегаров и нефтяников после того, даже когда они в душе помоются, — угольная пыль въедается. И он говорит: я уезжаю в Москву, я так не могу. И уехал под крылышко к своей любимой девушке Насте.

Цой работал, как зверь, сказать нечего. Гастроли — гастролями, это дело СВятое, у нас так было заведено. Но приезжали с гастролей и снова становились к котлам. Кочегар он был добросовестный — ну, кореец, одно слово.

Уехал Саш-Баш под крылышко к Насте — остались мы без него, одинокие сотрудники зимы. Грянули тут в Питере морозы градусов под сорок пять. Люди по улицам ходили, обернув лица шарфами. Любая машина останавливалась, как позовешь — без

разговоров. Денег даже не брали. Ну, далеко не везли, но если рядом — непременно.

Я вышел однажды из котельной на улицу, где был свален уголь. Подошел к этой черной горке. А там нужно было набросать тринадцать тачек, все эти тачки загрузить в котлы, чтобы они прогрелись, потом все это вычистить, и так раза три или четыре. Я взял ломик, ударил по горке, она — дзынь! Я второй раз, она снова — дзынь! Как медной горы хозяйка. Я воткнул ломик в снег и сказал себе: все, я пошел спать. Через какое-то время прибежали девочки — человека три-четыре. Говорят: что такое, холодно, замерзаем, котельная не работает… Я им говорю: девочки, лучше приходите по одной, я вас сам буду греть, а гору эту не разрублю.

За что и был уволен по тридцать третьей статье…

Он вышел на улицу, Москва встретила его запахом паленого асфальта, жареных баранок, духотой улиц. Человек, который его вел, сказал ему: пойдем, я покажу тебе умных людей, они тебе расскажут то, о чем мы не говорим.

"Так куда же мы денемся?" — "Денемся туда, куда нужно. Я тебя приведу". — "Ну, пойдем".

Из ненаписанного сценария к не отснятому фильму.

Это совершенно невозможно. Они взяли все одновременно с трех мест. Подставили сразу три точки. Они думали, что они могут сделать из треугольника круг, квадрат, вообще, все, что им угодно. Они думали, что они всевластны над фигурами, людьми, очертаниями, способностями и сознаниями. Но они сделали сразу три ловушки — тут, эдесь и там.

Машина ехала совершенно спокойно. Они заскочили в нее сразу все трое. Кто там за рулем? Зто она, наша девушка. Голая, красивая девушка с калейдоскопическими глазами.

- Как тебя зовут? — крикнули они.

— Любовь — ответила она. — Успокойтесь, парни, я везу вас туда, куда надо.

Значит, ей можно довериться, сказали они и успокоились.

Этот фильм должен был снимать Рашид Нугуманов. Мы придумывали сценарий втроем — с Доктором и Саш-Башом. Сценарий должен был писать Аркаша Высоцкий, но у нас как-то так не сложилось.

Про Злату Бабу на цепочках — символ покоя — придумал Саш-Баш. А у Доктора действительно была такая ситуация, он мне рассказывал — когда его друг разбился, прыгая в море с пирса, и он, вытаскивая его на берег, почувствовал, что его рука

проваливается в мозг разбившегося.

Пересказывая этот сюжет, я везде говорю «он». Хотя на самом деле тут три героя.